

СЕРГЕЙ КРЕМЛЁВ

Зачем убили СТАЛИНА?

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВЕКА

Сергей Кремлев

Зачем убили Сталина?

Преступление века

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2157665

Зачем убили Сталина? Преступление века: Яуза, Эксмо; М.: 2008

ISBN 978-5-699-30989-4

Аннотация

То, что Сталин был убит, теперь признают даже многие законченные антисталинисты. Гораздо больше споров о том, зачем это было сделано. «Либеральные» шулера от истории пытаются свести все к банальной борьбе за власть. В своей новой книге Сергей Кремлёв неопровержимо доказывает лживость их доводов. Эта книга читается как захватывающий документальный детектив. От этой книги невозможно оторваться. Расследуя обстоятельства гибели Сталина, автор не только разоблачает его убийц, но и раскрывает подлинные мотивы этого преступления века.

Содержание

Обращение автора к первому неизбежно внимательному читателю этой книги, а также и к читателям последующим	5
Глава нулевая	8
Глава первая	30
Глава вторая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Сергей Кремлев

Зачем убили Сталина?

Преступление века

Автор выражает благодарность за полезные обсуждения и замечания в ходе работы над этой книгой и ранее своим товарищам и коллегам В.В. Акулову, П.Г. Белову, В.М. Ботеву, В.Т. Брезкуну, Л.Н. Васютину, В.М. Воронову, С.П. Егоришину, Е.А. Карповцеву, В.И. Ковалеву, Р.И. Косолапову, Л.А. Кочанкову, И.В. Кузьмицкому, А.Г. Ломиноге, И.И. Никитчуку, А.А. Мукашеву, А.П. Осипцову, Ю.В. Позднякову и Н.А. Сороке.

Отдельную благодарность автор адресует жене Галине – за советы в ходе работы, помощь, понимание и поддержку.

Автор также благодарит П.М. Быстрова и А.И. Колпакиди за то предложение написать эту книгу, без которого она вряд ли появилась бы, во всяком случае – в обозримое время.

Обращение автора к первому неизбежно внимательному читателю этой книги, а также и к читателям последующим

О чем эта книга, читателям станет ясно из издательской аннотации. Поэтому в своем кратком обращении автор намерен сказать кое о чем ином – вроде бы с темой книги и не связанном, а на самом деле связанном с ней непосредственно.

Первым неизбежно внимательным читателем любой книги, особенно если она издается в авторской редакции, оказывается корректор. Вот к корректору я прежде всего и обращаюсь, потому что с русским правописанием в последние годы происходят странные трансформации. В частности, из русской письменной речи год за годом уходят заглавные, прописные буквы в написании многих привычных слов и словосочетаний. Одна из новаций бросается в глаза сразу: слово «Родина» многие пишут с маленькой буквы. Но этим дело не ограничивается... С маленькой буквы в «демократических» прописях начинаются очень большие понятия.

Так вот, уважаемый мой корректор! Мне, автору этой книги, плевать на нововведения «россиянской» орфографии. Я

пишу так, как меня приучали с детства. С того небогатого на пряники и бананы, однако счастливого детства, за которое я благодарен как родителям, так и Родной Стране! И потому настоятельно прошу корректора сохранить в неприкосновенности все те заглавные буквы, которые я выставил в тексте, в том числе при написании слов и словосочетаний «Совет Народных Комиссаров СССР» и «Совнарком», «Совет Министров СССР» и «Совмин», «Политбюро», «Генеральный секретарь Центрального Комитета», «Председатель Совета Министров», «Советская власть», «Герой Социалистического Труда», «Сталинская премия», «Генералиссимус Советского Союза», «Маршал Советского Союза» и т. д.

Слова «Советский Союз», к слову, также прошу сохранить с их заглавными буквами, а то однажды, при чтении некоего псевдонаучного опуса, я не сразу понял, что имеет в виду его автор, употребив непонятный набор букв «ссср»...

Да, наше прошлое пытаются убить в наших умах и душах даже на уровне правописания, на уровне прописных и строчных букв, на уровне предлогов. Киев – мать городов русских – испокон веку стоял *на* Украине. А теперь он, по мнению многих «редакторов» нашего бытия, находится *в* Украине. А это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Вот почему я прошу и издательского корректора, и вообще всех уважаемых читателей относиться к прошлому Родины так, как оно того заслуживает – с удивлением и восхищением свершениями отцов, дедов, прадедов и пращуров... А также

соответственно относиться и к самим нашим предкам.

Великое прошлое, созданное ими, еще таит в себе нераскрытые тайны, но разве можно скрыть навсегда от потомков тайны любой эпохи – если, конечно, потомки пытливы и стремятся к их раскрытию? Ведь если даже шила в мешке не утаишь, то уж тем более шулерам от истории не удастся скрыть от нас правду о том, кем был Сталин и зачем его убили. То, что его убили, сегодня не отрицают даже эти шулеры. Но вот правды о том, *зачем* его убили, они боятся, как огня.

А нам, уважаемые друзья и товарищи, это понять надо. Потому что, поняв, кто и зачем убил Сталина, мы, возможно, поймем: кто и зачем убивает сейчас нас, нашу Родину.

Ту Родину, имя которой каждый нормальный и уважающий себя человек писал, пишет и будет писать с большой, с заглавной буквы.

Глава нулевая

Ищи, кому выгодно...

Cui prodest? (Кому выгодно?)

Метод отыскания истины, известный еще древним латинянам

*А вслед героям и вождям
Крадётся хищник стаяей жадной,
Чтоб мощь России неоглядной
Размыкать и продать врагам!
Сгноить ее пшеницы груды,
Её бесчестить небеса,
Пожрать богатства, сжечь леса
И высосать моря и руды...*

Максимилиан Волошин

Кажется, Гаусс говорил, что когда он принимается за формулирование очередной теоремы, то ему заранее известно, что он прав. Сложность в том, чтобы отыскать убедительные доказательства своей правоты и для других, то есть выстроить логическую цепь рассуждений, приводящих к заранее известному для Гаусса результату.

У меня, автора этой книги, сходное положение. На вопрос «Зачем убили Сталина?» я могу сразу дать точный и ясный ответ: «Сталина убили затем, чтобы через десятилетия убить вначале Россию, а после неё – надежды людей на создание

разумного планетарного их сообщества».

А вот для того, чтобы обосновать этот ответ, мне придется написать целую книгу, а тебе, уважаемый читатель или читательница, придется ее прочесть – если ты ее, конечно, будешь читать...

Книг, так или иначе затрагивающих тему о смерти Сталина, написано уже немало. И среди них есть вполне честные и умные. И если я взялся за эту, порядком заезженную тему, то произошло так потому, что ни одна из прочитанных книг о смерти Сталина меня в полной мере не удовлетворила, даже если автор – как Юрий Мухин, например, трактовал проблему верно. Последней же каплей оказалась книга Николая Добрюхи с эффектным названием «Как убивали Сталина». Изданная под псевдонимом «НАД», она появилась на прилавках элитных книжных магазинов в начале 2008 года. И газета с логотипом «Комсомольская правда» (хотя какая она «Комсомольская» и какая уж в ней правда!), захлебываясь от прилива «эксклюзива», писала: «С обнародованием этих архивных документов и живых свидетельств все существующие версии (мемуары, учебники, энциклопедии и разнообразные монографии), относящиеся к смерти Сталина, превращаются в политическую макулатуру».

В действительности таковой макулатурой – если иметь в виду ее концепции и выводы – является как раз книга Добрюхи. Однако она ценна сведениями из спецархивов, к которым некие «покровители» Добрюху допустили уже давно –

впервые свои «сенсации» он обнародовал в № 51 газеты «Аргументы и факты» за 2005 год. В итоге Добрюха получил возможность ввести в научный оборот действительно важные документы. И хотя заслуги Добрюхи в этом, по сути, нет, его книга сообщает о ряде убийственных фактов. Убийственных не для Сталина – он и так был уже убит, но убийственных для его убийц. С выходом этой книги в свет вопрос: «Был ли убит Сталин или умер своей смертью?» окончательно отпадает. Документы, обнародованные при посредстве Добрюхи, доказывают: «Да, был убит». Но тогда сам собой возникает другой естественный вопрос: «Кто убил Сталина?»

Лично для меня он не очень-то интересен. К тому же я, вообще-то, знаю ответ на него и могу уверить читателя, что заявления Добрюхи о причастности Берии к убийству Сталина – не более чем жалкие инсинуации, предпринятые, скорее всего, «с подачи» покровителей Добрюхи... Всемерно же чернить Берию надо потому, что это, как я писал в своей книге о Лаврентии Павловиче, третья созидательная «знаковая» фигура новейшей русской истории после Ленина и Сталина. Так что не исключаю, что вся эта затея с Добрюхой-НАДом была затеяна прежде всего для того, чтобы, сообщив публике часть правды – то, что Сталин был убит, подбросить в общественное сознание фальшивого убийцу – Берию. С одной стороны, так отвлекается внимание от подлинных убийц, а с другой стороны, Берия отрывается от Сталина, противопоставляется Сталину и превращается в негодяя и ренегата де-

ла Сталина, в то время как в действительности всё обстоит прямо противоположным образом.

Поэтому интереснее и глубже не вопрос «Кто убил Сталина?», а вопрос «ЗАЧЕМ его убили?» Дав ответ на него, мы сможем понять и то, КТО его убил.

В чем-то в этой книге мне придется повторяться, поскольку в своей последней книге «Берия: лучший менеджер XX века» я посвятил теме смерти Сталина отдельную главу «Странная» смерть Сталина». Однако эта новая моя книга отнюдь не будет развернутым вариантом той главы, а та глава отнюдь не является кратким конспектом данной книги – в том числе и потому, что понимание автором сути вопроса постоянно углубляется и расширяется как в результате новых размышлений, так и в результате знакомства с новыми документами.

Однако, как и ранее, я не собираюсь заниматься неким криминальным расследованием, в сотый раз мусоля имена того или иного охранника, который то ли прислушивался, то ли не прислушивался через закрытые двери к дыханию Сталина... Тем более что вряд ли кто-то из них это делал в действительности.

Я намерен еще раз исследовать ту эпоху и еще раз задуматься над тем, кем был Сталин в разные периоды своей жизни и жизни страны, создаваемой им, и народом, им руководимым. А уж эпоха даст возможность разобраться и с убийством Сталина.

Для начала же – чтобы иметь отправные точки в нашем исследовании о том, зачем убили Сталина, воспользуемся советом древних и посмотрим: «Кому было выгодно убить его?» Но перед этим – небольшое отступление... Уже решившись работать над книгой и вчерне определив её структуру, куда входила и эта «нулевая» глава, я приобрел на книжном развале книгу Р.К. Баландина о Маленкове и с интересом ее прочел. Баландин честен, но, к сожалению, нередко наивен, и поэтому его промежуточные выводы не всегда верны и полны. Однако Рудольф Константинович выполнил немалую идейную и аналитическую работу, так что лично я его книгу оцениваю весьма высоко и в некоторых местах собственной книги вынужден буду до некоторой степени повторить то, что до меня сказали и Мухин, и Баландин, поскольку дважды два равно четырем у любого автора, если он, конечно, не Радзинский, Волкогонов или другой какой Антонов-Овсеенко-младший...

Сейчас же я вспомнил о книге Баландина потому, что одна из главок третьей ее главы тоже называется: «Кому это выгодно?» И это вполне естественно – именно с этого вопроса надо начинать!

Итак...

Если Сталин был убит (точнее – отравлен) – а он, по свидетельству ряда авторов и по документам Добрухи, был убит, то это означает, что он пал жертвой заговора. В принципе этот заговор мог быть чисто внутренним, чисто внеш-

ним, или – комбинированным, сочетающим внешние и внутренние силы, прямо или непрямо связанные друг с другом.

Поскольку Сталин мешал многим как в СССР, так и вне его, логично предполагать комбинированный многослойный заговор, но заговор особого рода, когда посвященное, понимающее подоплёку процесса ядро заговора крайне узко.

Крайне!

При этом даже среди посвященных ВСЮ суть дела контролируют единицы – как это обстояло когда-то в высшем круге иезуитов или обстоит сейчас в высших кругах глобалистов.

Скажем, некий член Президиума ЦК КПСС «X»... Впрочем, нет, лучше «Z», чтобы читатель не заподозрил, что этим «X» автор сразу намекает на Хрущева...

Так вот, допустим, член Президиума ЦК КПСС «Z» так или иначе был подключен к делу сознательного и скорейшего физического устранения Сталина. Допустим, это произошло после того, как один из его доверенных референтов или прочей «бурлацкой» челяди, гуляя однажды с шефом по зеленой лужайке, осторожно так высказал мыслишку, что, мол, если бы во главе нашей Великой Родины стояли вы, дорогой Зет Зетович, а не постаревший товарищ Сталин, то уж мы бы этим империалистам в считанные годы показали кузькину мать! А товарищ «Z» возьми да и кивни головой... А референт тогда и продолжи в том духе, что, может быть, стоило бы подумать над тем, как бы побыстрее обеспечить товари-

щу Сталину давно заслуженное им бессмертие?.. А товарищ «Z» вместо того, чтобы вызвать «03» или того чище – дежурного офицера-чекиста, опять задумчиво кивнул головой.

Ну, и пошло-поехало...

Значило ли бы это, что товарищ «Z» понимал, почему у кого-то из его аппарата возникла такая шустрая и опасная мыслишка? Вряд ли... И, во всяком случае, не обязательно.

Но ведь и сам служилый челядин мог быть лишь одним из звеньев многоходовой комбинации, задуманной где угодно – от новенькой элитной квартиры в высотке на Котельнической набережной до старинного офиса на Уолл-Стрит.

Нет, если перебирать все достаточно вероятные версии заговора против жизни Сталина, то их можно насчитать, в различных комбинациях, не менее десятка. И для начала остановимся на наиболее простой: против Сталина злоумышляли его собственные-де соратники из его ближайшего окружения. Тем более что это и наиболее ходовая версия у различных «демократических» авторов – от Авторханова до Зеньковича.

Итак, соратники...

Но кто?

Кому из них была выгодна смерть Сталина?

Берии? Но Берия пал через четыре неполных месяца после смерти Сталина.

Маленкову? Но Маленков вместе с Молотовым и Кагановичем пал через четыре с небольшим года после смерти Ста-

лина. Причем их падение было не в последнюю очередь обусловлено нежеланием тотально клеветать на Сталина.

Может быть, смерть Сталина была выгодна все же Молотову? Он и Микоян, как нас уверяют «демократически продвинутые» записные историки, к концу 1952 года якобы впали у Сталина в такую немилость, что могли опасаться за свою жизнь. Что до осторожного Микояна, то он всегда занимал выжидательную позицию, присоединяясь к заведомому удачнику... А вот Молотов...

Однако не подходит и Молотов. «Вечно второй», он никогда не был способен на серьезные инициативные действия. В записных книжках Ильфа есть почти философское наблюдение о некоем индивидууме: «До революции он был генеральской задницей. Революция раскрепостила его, и он начал самостоятельное существование»... Эта формула вполне применима и к Молотову, но с точностью, как говорят математики, «до наоборот»! Молотов никогда не отваживался на самостоятельность. Только «задницей» он был не у генерала, а у Генерального секретаря и Генералиссимуса. Нет, я не склонен унижать Вячеслава Михайловича и отношусь к нему с той долей уважения, которой он заслуживает, то есть – с немалой долей уважения. Но пора, пора бы раздать нам «всем сестрам по серьгам» и определить истинный масштаб каждой из исторических фигур той эпохи. Времени-то прошло уже порядком, да и информации к размышлению накопилось немало.

Так вот, Молотов на организатора убийства Сталина «не тянет»... Как и Булганин... Как и permanently второстепенный (и потому вечный на трибуне Мавзолея) Микоян... Как и старый друг Кобы Клим Ворошилов...

Не говоря уже о нравственном моменте, всем им, как и упомянутым выше Берии, Маленкову, Кагановичу, смерть Сталина оказалась невыгодной. Она обусловила и их быструю смерть – для Берии физическую, для остальных, – политическую.

А кто же из сталинского ближайшего окружения от смерти Сталина выиграл? Выиграл сразу и надолго?

Ответ однозначен: Никита Хрущев. Он быстро подмял под себя всё и всех и резвился до конца во всю ивановскую по всей планете, начиная с кукурузных полей и заканчивая залом заседаний Генеральной Ассамблеи ООН.

Кроме него, выиграла сложившаяся в очередной раз, после всех чисток и «момента истины» военных времен, и теснимая Сталиным в очередной раз шкурная часть партийного и государственного руководства. Эта «*Партонплазма*», которую позднее один из ее духовных родственников Михаил Восленский назовет «Номенклатурой», после некоторого испуга, вызванного ядерным шантажом США, взбодрилась от сознания, что и ее теперь прикрывает «ядерный щит», и теперь уже была готова безудержно благоденствовать, чему Сталин мешал.

Выиграла та «светская чернь», которой в Москве и Пи-

тере хватало во все эпохи... «Бомонд» местечкового и старомосковского происхождения, столичная «золотая» богема и научная фрондирующая элита, элита псевдонаучная и просто ловко устроившиеся проходимцы и сластолюбцы, — все они от смерти Сталина лишь выигрывали. Недаром физик Леонтович 5 марта 1953 года заявил, что он получил к дню рождения самый лучший за всю свою жизнь подарок — смерть Сталина.

Выиграли как те оппозиционеры и троцкисты, которые были репрессированы, так и особенно те, кто сумел замаскироваться. Со смертью Сталина появлялась не только возможность полной или частичной реабилитации их кумира Троцкого и их самих, но также и возможность в короткие сроки восстановить свои позиции в руководящих слоях страны. Восстановить как в шкурных интересах, так и в «идейных». Причем новые взлеты в элиту становились реальными не только для них, но и для их «пострадавших» отпрысков.

Выиграли националистически и космополитически настроенные круги элитного советского еврейства. Уверенно освоив и университетские кафедры, и театральную сцену, и рестораны Центрального Дома литераторов и Центрального Дома работников искусства, они к началу 1953 года стали чувствовать себя все более неуютно, особенно после обнародования «дела врачей».

Выиграли тщательно затаившиеся остатки старой, еще царской буржуазии и чиновных «верхов», остатки купече-

ства и кулачества. Они не смирились с победой Сталина и Советской власти и мечтали о грядущей реставрации капитализма и частной собственности.

Выиграла и вообще вся сволочь в Советском Союзе, желавшая мало или вообще не работать, но много иметь. Воры и мошенники, прохиндеи-завмаги и спекулянты, уцелевшие блатные «паханы», проститутки – эпоха Сталина не обеспечивала им режим наибольшего благоприятствования, зато им реально «светили» колонии общего режима. Со смертью Сталина они могли рассчитывать на более вольную жизнь. Они ее, к слову, и получили.

Смотрели на смерть Сталина как на благо и многие во внешнем мире. Так, смерть Сталина была выгодна всем ведущим капиталистическим странам уже потому, что они избавлялись от очень сильного противника и оппонента во всех сферах – политической, экономической, идеологической... Со смертью Сталина у всех этих черчиллей, эттли, иденов и трумэнов уже не было необходимости вставать и невольно держать руки по швам при входе в зал главы Советского государства. Любой его преемник – кроме разве что Бери, был заведомо слабее Сталина во всех отношениях.

Но и в новых странах народной демократии капиталистическим и националистическим элементам смерть Сталина была желательна и выгодна. Она давала им новые надежды и новые возможности для подрывной работы, для формирования «пятых колонн»...

И что интересно! По сути, все из этих заинтересованных в смерти Сталина сторон во внешнем мире и в России, все, кроме разве что чистых уголовников, могли задумать, и, самое главное, имели принципиальную возможность организовать и осуществить убийство Сталина! Мотивы при этом могли быть самыми разными, даже не обязательно прямо антисоветскими или антирусскими. Одинаковым в любом варианте оказывался результат – смерть Сталина.

Один из моих коллег, читая черновой вариант нулевой главы, спросил меня: «Хорошо! Ты перечислил всех, никого не забыл... Но вот эта «светская чернь», внутренние троцкисты, эта, как ты пишешь, «партоплазма», так или иначе желавшие смерти Сталина и обрадовавшиеся ей, они понимали, чего желают? Понимали, что творят? Или вот Хрущ... Ты пишешь, что он резвился... Но он же этим подрывал самые основы строя! Он что – сознательно это делал?..»

То-то и оно, что далеко не все желавшие смерти Сталину, ей обрадовавшиеся, или (*sic!*) имевшие то или иное, но прямое отношение к его умерщвлению, желали так же и смерти социализму, а уж – тем более – России. Многие, многие не ведали, что творили и чего желали. В том числе и Хрущев, если иметь в виду лично его.

Но были и такие, что *ведали* и смотрели далеко вперед. Логическим завершением дела Сталина было построение всесторонне развитой Советской Державы, которая стала бы естественным лидером мира, отвергающего Мировой Капи-

тал. А ведь уже тогда, в конце 40-х годов, начали кое для кого обрисовываться идеи «золотого миллиарда», глобализма, передела скудеющих ресурсов и прочего, сегодня совершающегося. И эти идеи заранее отводили России роль вначале «дойной коровы» «глобализма», а затем – и жертвенного тельца.

Впрочем, в конце ли 40-х годов отыскивается начало подобных замыслов по отношению к России? Ведь вынесенные в эпиграф этой главы строки Максимилиана Волошина взяты из его стихотворения 1919 (тысяча девятьсот девятнадцатого!) года «Гражданская война» (цикл «Усобица» в книге «Неопалимая купина»). Волошин многое, если не почти всё, не понял в русской революции, хотя остался в России и умер в СССР в 1932 году. В том же 1919 году он писал в стихотворении «Русская революция»:

Пусть бунт наш – бред,
пусть дом наш – пуст,

и т. д.

То есть в оценке текущих перспектив России Ленина и Сталина Волошин, тонкий эстет, ошибся. Но, возвращаясь к эпиграфу этой главы, мы видим, что он не ошибся в долгосрочном историческом прогнозе, который мог сбыться лишь в случае гибели России Сталина и который, как мы сегодня знаем, сбывается.

Однако так ли уж сложно было предполагать нечто подобное в 1919 году, если в мае 1918 года журнал англо-русских финансовых кругов «Россия» сообщал: «То, что мы наблюдаем в России, является началом великой борьбы за ее неизмеримые ресурсы сырья», а лондонская «London financial news» в ноябре 1918 года писала: «События все более принимают характер, свидетельствующий о тенденции к установлению над Россией международного протектората по образу и подобию британского плана для Египта. Такой поворот событий сразу превратил бы русские ценные бумаги в сливки международного рынка»?

В России с Лениным, а затем со Сталиным, такие «сливки» скисали. Но планы-то и мечтания сохранялись! Как сохранялись и надежды на то, что в России можно создать условия для такого нового поворота событий, который вновь превратил бы русские ценные бумаги в сливки международного рынка... Сталин же и его идеи были для «глобалистов» всех времен и всех народов смертельно опасны. Опасны и потому, что они имели глобальный «антиглобалистский» потенциал! Тот же Волошин писал:

Тончайшей изо всех зараз, —
Мечтой врачует мир Россия, —
Ты, погибавшая не раз
И воскресавшая стихия!

Поэтому в долгосрочном плане от смерти Сталина выиг-

рывала прежде всего мировая Золотая Элита... Со смертью Сталина у нее появился реальный шанс отыгаться за поражения и 1917-го, и 1945 года и даже более того – отыгаться за весь тот страх, который со времен Петра внушала им Россия самым фактом своего существования. Причем не просто отыгаться, а уничтожить Россию как таковую. А уж тогда стало бы возможным подмять все человечество даже не под «Железную» – как у Джека Лондона – а под «Золотую пядь», которая оказалась бы тяжелее «железной».

Так КТО убил Сталина?

КОМУ это было выгодно?

Поняв, кто это сделал, мы поймем – зачем это было сделано.

Поняв, зачем это было сделано, мы поймем, кто это сделал.

Правда, по одному пункту надо бы сразу же объяснить-ся... По сей день многие морщатся при одном слове о «золотом миллиарде», о «Золотой Элите» и пренебрежительно заявляют: «А! Опять эти бредни о тайном мировом правительстве, о масонском заговоре... Какое там тайное мировое правительство! Может ли быть так, что все мировые олигархи объединились в некую тайную организацию и там обо всем друг с другом договариваются?»

Ну, если говорить о возможностях и способностях Элиты к объединению, то я в качестве нелирического отступления познакомлю читателя с некоторыми данными по уров-

ню давно достигнутой координации деятельности Мирового Капитала лишь в одной сфере – черной металлургии, в рамках международных картелей, то есть соглашений монополий или фирм, принадлежащих разным странам, о разделе рынков сбыта, источников сырья, установлении монопольных цен, использовании патентов и прочем подобном.

Итак, уже перед Второй мировой войной действовал Международный стальной картель (МСК), созданный в 1937-м на базе соглашения о разделе рынков сбыта от 1933 года между Германией, Францией, Саарской областью, Бельгией и Люксембургом. В 1934 году к соглашению присоединились Чехословакия, Австрия, в 1935-м – Венгрия и Польша, а также Британская стальная федерация и в 1937-м – стальные монополии США. МСК подчинил своему контролю почти весь капиталистический рынок стали. В 1938 году на страны, фирмы которых входили в МСК, приходилось около 85% выплавки стали в капиталистическом мире. С МСК были тесно связаны картели по изделиям из черных металлов, существовавшие независимо от него. После Второй мировой войны были предприняты попытки восстановить МСК. В 1953 году металлургические монополии Франции, Бельгии и Люксембурга подписали соглашение об организации Стального картеля, получившего название «Брюссельская конвенция». В том же году к нему присоединились фирмы ФРГ и Нидерландов, а затем Италии и Австрии.

Ухудшение конъюнктуры на рынке черных металлов при-

вело к созданию в 1967 году Международного института чугуна и стали (МИЧС) – организации картельного типа, но, в отличие от МСК, не занимающегося разделом внешних рынков. Создание МИЧС официально имело целями укрепление контактов между сталепромышленниками различных капиталистических стран и обмен информацией, касающейся положения на рынке черных металлов. В 1970 году МИЧС объединял более 100 металлургических компаний 24 капиталистических стран, производивших около 95% стали в капиталистическом мире. Количество голосов для каждой страны зависит от объема производства стали. Поэтому работу института фактически контролировали США.

Кроме общих картелей, на рынке черных металлов действуют картели по отдельным видам проката. Членами трубного картеля, созданного в середине 20-х годов, были фирмы Германии, Франции, Бельгии, Чехословакии, Люксембурга, Саарской области, США, Великобритании и Канады, в последующем к нему присоединялись японские и итальянские производители и шведские импортеры. После Второй мировой войны некоторые участники трубного картеля в 1950 году заключили джентльменское соглашение. Его членами стали, в частности, промышленники Франции, ФРГ, Бельгии, Нидерландов, Италии. В послевоенные годы, кроме трубного картеля, продолжал действовать также картель по рельсам. Поскольку производство рельсов в капиталистических странах сконцентрировано на предприятиях относительно

небольшого числа фирм, последним удалось сохранить контроль над рынком.

Производители белой жести до Второй мировой войны тоже несколько раз заключали соглашения о разделе рынков сбыта, причем господствующее влияние на рынок этого товара оказывали монополии Великобритании и США. В послевоенный период возник новый картель-«клуб» по белой жести, в который вошли производители Великобритании, ФРГ, Франции, Италии, Бельгии, Люксембурга, Нидерландов, Канады и Японии. Картель устанавливает контроль над рынком путем заключения соглашений, ограничивающих взаимную торговлю и предусматривающих раздел рынков стран, не входящих в картель. К деятельности картеля удалось неофициально привлечь американские фирмы.

Вот как консолидировался капитал только в одной из сфер жизни мирового сообщества, и консолидировался, повторяю, давно. И – на вполне серьезном организационном уровне. А ведь черная металлургия – хотя и важная, однако не основополагающая сфера интересов Золотой Элиты. Самых основ ее существования она не затрагивает – в отличие от сферы политической.

Поэтому уж если давно организовались картели металлургические, электротехнические, нефтяные, содовые, химические, то уж политический своего рода «картель» Золотая Элита тоже не могла не создать! И, конечно же, создала. И так ли уж важно – в каких конкретно организационных фор-

мах?!

Важно иное: под «крышей» такого «картеля» Золотой Элите мира вести дискуссии не о чем, и согласие по всем существенным вопросам там достигается легко, потому что там все понимают друг друга не то что с полуслова, а нередко и вообще без слов. Там ведь не о разделе рынков споры ведутся, а вырабатывается общая, сплоченная политика тех, кто стрижет, против тех, кого стригут. Авторство последней формулы, между прочим, принадлежит еще Талейрану.

Пролетариям, как известно, нечего терять, кроме цепей, в связи с чем Маркс с Энгельсом и заявили: «Да обретут же они весь мир!» Однако всем миром уже давно владела Золотая Элита!

И терять его ей не хотелось.

И не хочется...

Что же до тайного мирового правительства? Так оно давно не тайное. И какая, повторяю, разница – в рамках какого конкретно органа оно проводит свою деятельность наиболее активно: Бильдербергского, Римского или «Ротари» клубов, Трехсторонней или иной n-сторонней комиссии, Комитета Трехсот или Ста, или еще каких-то не афишируемых Комитета или Комиссии?

Причем, уважаемый мой читатель, как бы *это* ни называлось, создано это было не вчера... Всё *это* в той или иной форме существовало не только во времена позднего Сталина, но и во времена намного более ранние!

Что же до механизмов деятельности неформального мирового правительства, то много ли нам известно даже сейчас о механизмах деятельности, скажем, брежневского Политбюро ЦК КПСС? А ведь это был отнюдь не тайный, а вполне легальный орган!

И у такого «мирового правительства» не было в СССР более ненавистного и грозного врага, чем Сталин. Вот почему внешний след в заговоре против Сталина исключать нельзя... Я не утверждаю, что такой след был или что его можно отыскать! Я лишь говорю, что он не исключен из чисто логических соображений. Не так ли?

Возможно, читатель, прочтя это, спросит: «Что автор имеет в виду? Общие рассуждения – вещь, конечно, необходимая. Но хотелось бы чего-то более конкретного... Автор что, хочет сказать, что какое-то непонятное мировое правительство решило устранить Сталина, установило связи с зарубежными, скажем, троцкистами, те – с единомышленниками в СССР, эти единомышленники вышли на аппарат, скажем, Хрущева? Что кто-то из аппарата прозондировал Хрущева – «втемную», не открывая всей правды, а Хрущев не возражал, да еще и поговорил с министром госбезопасности Игнатьевым, а Игнатьев тоже согласился, внедрил, пользуясь своими правами, в охрану Сталина людей, готовых действовать, и те в нужный момент всё и обстряпали? Это хочет автор сказать?»

Что ж, такому читателю я отвечу, что и описанный им ва-

риант в принципе был возможен. Он не противоречит той сумме фактов и документов, которые мы сегодня имеем. Как не противоречат им, к слову, и другие версии насильственной смерти Сталина.

«А подтверждается ли тот или иной злоумышленный вариант прямыми фактами и документами?» – может спросить читатель.

Что ж, можно заранее сказать, что ни в одном «спецхране» не отыскать записки, например, Хрущева Игнатьеву с распоряжением организовать убийство Сталина. Такой записки, естественно, никогда в природе не существовало.

Но существует, например, фактически прямое заявление Хрущева о его причастности к смерти Сталина. Такой вполне осведомленный автор, как Николай Зенькович, в одной из своих книг сообщает, что 19 июля 1964 года на митинге в честь венгерской партийно-правительственной делегации Хрущев признался в насильственной смерти Сталина и заявил, что в истории человечества было немало тиранов жестоких, но все они погибли-де так же от топора, как сами свою власть поддерживали-де топором...

И это – не единственное обстоятельство, позволяющее говорить о вине Хрущева. А такая вина автоматически предполагает не такой уж и малый круг его сообщников и пособников.

Однако полноценно документировать и доказать одну какую-то версию, конечно, невозможно. Тем более невозмож-

но документально подтвердить версии о причастности к убийству Сталина внешних сил, хотя я могу уверить читателя, что первые агенты влияния в среде партийно-государственного руководства СССР и в их ближайшем окружении появились задолго до брежневских времен, во времена чуть ли не ленинские. Я об этом позднее скажу.

Зато путем анализа можно отсечь ряд версий недобросовестных и прежде всего – обвинения в адрес Берии, но также и порой проскальзывающие обвинения в адрес Маленкова, не говоря уже о чистой паранойе типа того, что Сталин был уничтожен вследствие мифического коллективного заговора почти всех членов Бюро Президиума ЦК КПСС, обреченных-де «тираном» на опалу и гибель.

Так что будут у нас, уважаемый читатель, и документы, и аргументы, и факты... А к ним – и разнообразная «информация к размышлению».

Однако всё по порядку.

Глава первая

Странный день рождения

*И мое имя тоже
будет оболгано, оклеветано...
На мою могилу нанесут
много мусора*
И.В. Сталин

21 декабря 1953 года исполнилось 74 года со дня рождения Сталина. И это был первый день рождения вождя, который страна, им созданная, отмечала без него.

Но как отмечала?

И отмечала ли?

«Начинается земля, как известно, от Кремля», – сказал поэт. А с чего начинались в Кремле официальные чествования первого лица в государстве и при Хрущеве, и при Брежневеве, и при Горбачеве?

Правильно! С поздравлений в главной газете СССР – в «Правде».

А как там было при Сталине?

Что ж, откроем номер «Правды» за 21 декабря 1952 года – последнего полного года жизни Сталина. В тот воскресный день ему – Председателю Совета Министров СССР, Герою Советского Союза и Герою Социалистического Труда, Гене-

ралиссимусу Советского Союза, исполнилось 73 года. Дата не круглая, но всё же...

Вся первая полоса посвящена присуждению международных Сталинских премий «За укрепление мира и дружбы между народами». Новые лауреаты: французский общественный деятель Ив Фарж, Сайфуддин Китчлу – председатель Всеиндийского Совета Мира, деятельница Федерации бразильских женщин Элиза Бранко, певец-негр Поль Робсон из США, поэт из ГДР Иоганнес Бехер, канадский священник магистр искусств Джеймс Эндикотт и наш Илья Эренбург.

На полосе – крупные портреты лауреатов, статья председателя Комитета по присуждению премий академика Скобелева о них.

И всё.

А где же славословия в адрес «тотально» «тоталитарного» «стареющего тирана», якобы жить не способного без ежедневной порции восхвалений? Где верноподданные адреса по случаю знаменательной даты? Так вот, их, представьте себе – нет!

Нет на первой полосе, нет и на второй.

Не то что поздравлений от «раболепных» внутренних «рабов» не напечатано, но даже официальных поздравлений от глав государств хотя бы народной демократии на полосах «Правды» нет, хотя их не могло не быть! Обычный человек, и то с десятков открыток и телеграмм к дню рождения имеет от родственников и друзей. А тут – Сталин! Причем из

вполне «свободного» мира тоже были ведь неизбежные поздравления с днем рождения! Но и они не публикуются. Вот так «культ личности»!

В царской России ежегодно с помпой по всей империи отмечали день тезоименитства царя... А Сталина ведь все «продвинутые» «историки» давно записали в монархи – пусть и «красные». Вот так «монарх»!

Но, может, какая промашка вышла? Может, «фанфары» «Правды» прозвенели наавтра? Ничего подобного! Даже гибко гнущийся орган Союза Советских писателей СССР – «Литературная газета» – не откликнулся в конце декабря 1952 года ни одной строчкой на событие, важное в любом «тоталитарном» обществе. Если оно, конечно, и впрямь тоталитарное...

А как там 1951 год?

Листаем подшивку «Правды»... 20 декабря... 21-е... 22-е... И опять ничего – лишь в номере от 21 декабря вся первая полоса также посвящена присуждению международных Сталинских премий. Акт приурочен, конечно же, к дню рождения того, чьим именем эти премии названы. Однако о самом дне рождения – ни строчки. Лишь 20 и 22 декабря на первых полосах «Правды» опубликованы «рапорты товарищу И.В. Сталину» о досрочном выполнении годовых планов от хлопкоробов Таджикистана, работников сельского хозяйства Туркмении и рыбаков Астраханской области – с пожеланиями «доброго здоровья и многих лет жизни на радость

и счастье народов Советского Союза и всего прогрессивного человечества».

А на первой полосе номера от 21 декабря – статья Скобельцина, портреты лауреатов: Го Мо-жо, президента Китайской академии наук, депутата итальянского парламента Пьетро Ненни, депутата японского парламента профессора Икуо Ояма, общественной деятельницы из Англии Моники Фелтон, немецкой писательницы Анны Зегерс и бразильского писателя Жоржи Амаду.

Как же так?

Выходит, товарищ Сталин не так уж и любил обильную словесную патоку? Получается, так... Нет, в каждом номере той же «Правды» за 1951-й и 1952 годы его имя можно встретить не раз. Когда – в деловом контексте... Когда – не без перебора по части эпитетов «гениальный», «эпохальный» и так далее... Но даже сегодня при чтении этих давно ломких пожелтевших страниц имя Сталина не бросается в глаза так, чтобы от него зарябило в глазах. Причем не забудем – тогда державой руководил действительно гениальный, высокоталантливый человек, и гениальный универсально! И ссылки на него, апеллирование к его авторитету были во многих случаях вполне уместными и оправданными.

В том же, что дата рождения главы Советского государства ежегодно не становилась табельным днем – как это было с днями тезоименитства Их Императорских Величеств в старой России – ничего странного, в общем-то, не было. В

нормальном обществе так быть и должно – за исключением разве что дат юбилейных.

Однако пришло время, и очередной день рождения Сталина «отметили» в Стране Советов весьма своеобразно. О том далее и разговор...

Вот передо мной номер «Правды» за тот же день 21 декабря, но уже 1953 года. Со дня, когда Илья Эренбург к двум своим предыдущим «домашним», так сказать, Сталинским премиям получил еще и международную Сталинскую премию, прошел год.

Всего год, но какой год! В марте этого года скончался Сталин. В конце июня был арестован Берия, а в начале июля пленум ЦК КПСС в считанные дни произвел политическую казнь Лаврентия Павловича, за которой скоро последовала и бессудная физическая его казнь. В августе была успешно испытана первая советская водородная бомба РДС-6с, а в декабре...

А в декабре стали известными имена очередных лауреатов международной Сталинской премии за укрепление мира и дружбу между народами. И опять вся первая полоса понедельничного №355 «Правды» от 21 декабря 1953 года вместе с большей частью второй полосы были посвящены этому событию. На первой полосе – имена и портреты лауреатов Пьера Кота, депутата Национального Собрания Франции, Сахиба Синга Сокхата из Индии, священника из Ита-

лии Андреа Гаджери, писателей Говарда Фаста, Пабло Неруды, Леона Кручковского, профессора Лондонского университета Джона Бернала, доктора медицины из Швеции Андреа Андреен, парламентария из Бельгии Изабеллы Блюм и нашей «профсоюзницы», секретаря ВЦСПС Н.В. Поповой.

Опять вся первая полоса занята только премиями мира, и опять о самом Сталине – ни слова. Всё вроде бы как и год назад.

Но всё ли? Ведь теперь нет уже товарища Сталина! И это – первый день рождения, отмечаемый после его смерти! Как же не сказать в этот день – уже не радостный, а еще окрашенный, казалось бы, свежей скорбью, хотя бы несколько уместных слов об усопшем? Мол, вот как, товарищи, отмечаем мы день рождения товарища Сталина на этот раз – без него. Впервые... И впервые без него называем новых лауреатов премии его имени...

Однако – нет! Ничего этого в «Правде» нет. Ни на первой полосе, ни на второй... Как, впрочем, и на третьей... И на четвертой...

Странно? Пожалуй...

Впрочем – как сказать! Особенно если посмотреть на ситуацию, зная уже многое из того ранее тайного, что становится сегодня все более явным.

Так вот, не крылась ли разгадка странного первого по-смертного дня рождения Сталина в некоем событии в жизни страны, о котором было сообщено в предыдущем, воскрес-

ном номере (№354) «Правды» от 20 декабря 1953 года? Номер открывался знаменательной передовицей, озаглавленной «Гнев народа», а начиналась она так:

«Всю страну облетело сообщение Прокуратуры СССР об окончании следствия по делу предателя Родины Берии и его сообщников – Меркулова, Деканозова, Кобулова, Гоглидзе, Мешика и Влодзимерского. На предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях, на стройках и на транспорте, в колхозах, МТС и совхозах повсеместно проходят многолюдные собрания...», и т. д.

За три дня до этого, внутри №351 «Правды» от 17 декабря 1953 года было опубликовано сообщение «В Прокуратуре СССР», где сообщалось «об окончании следствия по делу Берии» и передаче его «в специальное Судебное Присутствие Верховного Суда СССР в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 года» (этот закон был принят после убийства Кирова).

И вот теперь по Союзу гнали волну «народного гнева»... И почему-то – как раз накануне дня рождения Сталина. В той самой газете, к созданию которой еще в дореволюционные годы Сталин имел прямое отношение, за день до дня его рождения писали не о нем! Там были помещены репортажи о «гневных митингах» трудящихся... Заголовки: «Требуем самого сурового наказания», «Народ растопчет гадов», и т. п.

А в самый день рождения Сталина рядом с материалами

о присуждении Сталинских премий мира вновь стояло: «Сурово покарать изменников Родины»... О Сталине же – ни строчки. Даже на последней полосе его имя не было упомянуто ни разу.

Вот такой вот получался день рождения только что ушедшего навсегда Вождя и Учителя. И впечатление этот факт производит – по крайней мере сегодня – странное. Ну, в самом-то деле, что – не могли организаторы судилища по «делу Берии» подождать хотя бы недельку или другую и обстрелять его, скажем, в самом конце года? Реально сообщение Прокуратуры СССР было опубликовано 17 декабря, а «расстрельные» приговоры были приведены в исполнение 23 декабря – через шесть дней. Так что – если бы сообщение было опубликовано, скажем, 23 декабря, а расстрелы совершились 29 декабря, что-либо изменилось бы? И изменилось ли бы что-то, если бы сообщение Прокуратуры появилось в «Правде», скажем, 5 января? А то получалось какое-то не очень хорошее соседство: тут самое бы время еще раз вспомнить о товарище Сталине и доброе слово о нем сказать, а вместо этого – призывы покарать изменников Родины.

Но было ли всё это случайным? Могло ли быть это случайным для той главной газеты страны, каждую мелкую заметку в которой спецслужбы Запада изучали только что не с лупой в руках?

Думаю, и даже убежден, что нет!

В мире всегда были могущественные силы, обожающие тайные символы и обряды. Понять такие пристрастия нормальному человеку сложно, если не вообще невозможно. Кажется бы, взрослые люди объединились в некое общество – пусть даже и тайное. Объединились не ради игры, а с некими серьезными целями. Ну и действуйте! Заседайте, решайте, стройте тайные зловещие козни или тайно делайте добро – как тимуровцы у Гайдара. Но к чему, спрашивается, обвязываться фартуками, устраивать сложные процедуры посвящения, напяливать на себя побрякушки? Да и называть друг друга «братьями» как-то неестественно и даже немного смешно. Добро бы это было в восемнадцатом или в девятнадцатом веке, когда не то что чувствительные дамы, но и рубаки-офицеры от полноты чувств и без всякой «голубизны» могли бросаться друг другу на грудь и от полноты же чувств обливаться слезами... Но в нашем, пропитанном рационализмом и скепсисом, в нашем умудренном двадца..., ах, уже даже в двадцать первом веке? К чему сейчас-то именовать-ся «братьями», обзывать себя пышными тайными именами? Глупо ведь, господа!

Ан, оказывается, не глупо... С их точки зрения!

Странно, конечно, но – факт!

Читателя, заподозрившего автора в том, что он намекает на причастность к смерти Сталина именно проклятых «жидо-масонов», я могу успокоить. Ни на что такое я не намекаю... Однако хочу на вполне реальном и ныне хорошо из-

вестном примере масонских лож напомнить читателю, что для определенного круга вполне солидных и влиятельных людей игра – казалось бы, не более чем игра – имеет почему-то важное значение... Как имеет для них значение и символика, и тонкие намеки, понятные *в реальном масштабе времени* лишь посвященным.

Я подчеркнул «в реальном масштабе времени» потому, что на отдалении исторических времен получают возможность разобраться в разного рода тонких намеках и весьма «толстых» обстоятельствах не только нечистые помыслами и делами посвященные, но и вполне честные аналитики, взывающие истины.

И сегодня, даже не входя в узкий круг посвященных, можно предположить, что уже тогда, в 1953 году, для *посвященных* смерть Сталина и смерть Берии были безусловно и прямо связаны. Смерть Сталина обусловила скорую смерть Берии. А смерть Берии создавала перспективы для смерти социализма. *Посвященные* уже тогда знали, как знаем это сегодня и мы, что к моменту передачи «дела Берии» в специальное Судебное Присутствие Верховного Суда сам Берия был давно и бессудно – даже не в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 года, – расстрелян... И что 23 декабря 1953 года реально будут расстреляны лишь его соратники, сломленные и опустошенные полугодичным «следствием» под руководством такого видного хрущевца, как Генеральный прокурор СССР Руденко.

И, похоже, кому-то из посвященных очень хотелось, с одной стороны, намекнуть на связь двух «знаковых» смертей, а с другой стороны, обставить дело так, чтобы проводить здесь какие-то аналогии никому *не* посвященному и в голову не могло прийти!

Ну, шло следствие... Когда-то же оно должно было закончиться? Вот оно и закончилось, а раз так, то дело надо передавать в суд. Обычная процессуальная норма! А то, что это событие пришлось на канун дня рождения великого Сталина? Да это же чистая случайность!

Хотя из соображений элементарной этики, не говоря уже о вполне очевидных политических соображениях, было бы уместнее затеять всю эту публичную возню с «народным гневом» чуть позднее...

Но посвященным было очень соблазнительно подгадать одно к другому. Вот они и подгадали!

Якобы «случайно»!

Между прочим, говоря о «посвященных», я имею в виду отнюдь не самого Хрущева или, скажем, Руденко. И уж тем более не Председателя специального Судебного Присутствия маршала Конева или членов этого Присутствия...

«А кого же конкретно имеет автор в виду?» – может спросить читатель.

А черт их, уважаемый читатель, знает! Тем более что лишь черт это только и знает! Более того, я ведь высказываю здесь версию, документально недоказуемую принципи-

ально! Я лишь предполагаю, что это было так. Но основания для таких предположений у меня есть. И, предполагая одно, можно ведь предположить и нечто, из первого предположения вытекающее, а именно вот что... Если странное и полное замалчивание дня рождения Сталина в «Правде» в декабре 1953 года было не случайным, то это означает, что в декабре 1953 года во вроде бы «сталинской» Москве в официальных партийно-государственных кругах имелись весьма влиятельные скрытые силы и группы, которые могли или прямо, или опосредованным образом – через своих «втёмную» используемых шефов – проводить антисталинскую информационную линию.

Но если так обстояли дела в Москве в конце 1953 года, после смерти Сталина, то примерно так же они обстояли там и в начале 1953 года, еще при жизни Сталина. И это – лишнее логическое подтверждение существования в Москве еще при жизни Сталина мощных антисталинских сил, способных осуществить успешный заговор против него и физически устранить его.

В неплохом (хотя и очень недостоверном в части исторических данных) советском романе «Щит и меч» адмирал Канарис, спросив абверовского майора Штейнглица о том, каковы приметы осла, сам же, коснувшись ушей, себе и ответил: «Вы думаете то? Нет, дорогой Штейнглиц, вот они, ослиные ваши приметы!» И постучал пальцем по докладной своего подчиненного.

«Посвященные» 1953 года ослами не были. Однако очень не исключено, что из того, как официальная Москва «отметила» («не заметив» его) первый посмертный день рождения Сталина, тоже выглядывали вполне характерные уши *посвященных*. И, очень может быть, что в этой мелкой пакости в адрес усопшего (а точнее, убиенного) Сталина был не такой уж и мелкий смысл и намёк.

Но сами «посвященные» были, конечно, личностями мелкими, и обуреваемы они были не страстями, а страстишками. Ведь их масштаб и близко не приближался к масштабу личности Сталина.

Но каким был его масштаб? Чем жил Сталин?

Думаю, остановиться немного на жизни Сталина в книге о его смерти будет нелишним...

Глава вторая

Чем жил Сталин...

*Сердца, превращенные в камень,
Заставить биться сумел,
У многих будил он разум,
Дремавший в глубокой тьме...*

*Из стихотворения Иосифа Джугашвили, написанного
в 1895 году*

Да, пожалуй, нельзя говорить о смерти Сталина, не разобравшись с тем, что двигало им в жизни. Не сказать хотя бы немного об этом нельзя уже потому, что смерть Сталина была обусловлена тем, во имя чего он жил, чем он жил.

В предисловии к книге «Кто стоял за спиной Сталина?» ее автор, историк Александр Островский, пишет:

«Если... вас интересует истина и вы действительно хотите понять, что представлял собою И.В. Сталин до 1917 г., как именно он, революционер, стал «могильщиком революции», давайте обратимся к фактам. Только на их основе может быть вынесен обвинительный или оправдательный приговор любому историческому деятелю. Только на основе реальных фактов можно понять трагедию русской революции, истоки советского термидора».

Увы, самого автора книги, изданной под названием, кото-

рое уже само по себе – провокация, истина интересует, похоже, постольку поскольку. И дело даже не в его непонимании того, что факты, вообще-то, всегда реальны, поскольку факт – это нечто бывшее в действительности, в реальности. Хуже то, что Островский и ему подобные вслед за Львом Троцким и ему подобными твердят о каком-то сталинском «термидоре» и т. д., не имея на то ни малейших оснований.

А ведь Лев Давидович Троцкий, заявив, что Сталин-де «ведет к термидору», сморозил одну из величайших глупостей в своей жизни. К тому же еще и плохое знание истории обнаружил. Если уж вспоминать времена Французской революции, то надо было бы говорить (Троцкому) о некоем «18 брюмера» Сталина – по аналогии с переворотом Бонапарта, положившим конец полностью разложившемуся режиму Директории. Но «брюмер» Троцкому не подходил уже потому, что последняя фаза массового террора Французской революции приходится как раз на время сразу после «термидора», а после «брюмера» никаких массовых репрессий не последовало.

Впрочем, вспомним, что это такое – «термидор»? Изначально это – название одиннадцатого месяца по республиканскому календарю, введенному Великой Французской революцией. Он соответствовал периоду с 19/20 июля по 17/18 августа.

27/28 июля 1794 года (9 термидора 2-го года республики) во Франции произошел переворот. Он привел к падению

революционной якобинской диктатуры и поставил у власти крупную буржуазию. Термидорианский переворот поднял наверх самые растительные слои буржуазных политиков, ориентированных на удовлетворение своих самых низменных, примитивных, животных интересов, и не более того. Была образована Директория, которая в считанные годы довела Францию «до ручки», после чего в 1799 году ей, как уже сказано, дал по шапке Наполеон Бонапарт. Академик Евгений Викторович Тарле писал об этих временах так:

«Разбойничьи шайки... приобрели характер огромного социального бедствия... Развал и беспорядок в полицейском аппарате к концу правления Директории делали эти шайки почти неуязвимыми и подвиги их безнаказанными. Первый консул... (Бонапарт. – С.К.) переходил от одного неотложного дела к другому: от разбойников к Вандее, от Вандеи к финансам, а денег в казначействе (настоящих, металлических денег) не оказалось вовсе – хозяйничанье Директории привело к полному безденежью казны...»

Эта картина, замечу в скобках, характеризует не только прошлое Франции, но и весьма возможное будущее России – при сохранении в ней нынешнего положения вещей.

Так о каком сталинском «термидоре» может быть речь? В результате деятельности Сталина и его соратников было в считанные годы изжито даже минимальное влияние на жизнь страны остатков буржуазии – нэпманов, и началось

впечатляющее созидание нового общества. Позднее даже такой не имеющий особых поводов любить Сталина деятель, как Александр Керенский, сказал: «Сталин поднял Россию из пепла, сделал великой державой». А относительно «презренного металла» можно вспомнить, что в 70-е годы Молотов говорил поэту Феликсу Чуеву о том, что при Сталине в стране был накоплен такой огромный золотой запас, что платину «не показывали на мировом рынке, боясь обесценить».

Хорош «термидор»! Дай Бог такого «термидора» любой стране мира. Так что Александр Островский наводит здесь тень на ясный день, чем его книга грешит вообще частенько – слишком уж многочисленны в ней «намёки тонкие на то, чего не ведаёт никто». Скажем, А. Островский уверяет, что «многие загадки в революционной биографии И.В. Сталина» можно объяснить, если принять в расчёт его «дореволюционные закулисные связи» и «некоторые невидимые пружины его политической карьеры как до, так и после (ого! – С.К.) 1917 года». И тот же А. Островский пытается выставить раннего Сталина чуть ли не платным агентом бакинских нефтепромышленников.

Все это не стоило бы упоминания, если бы в книге А. Островского не было также бесспорного документального материала, изучение которого вполне опровергает намеки автора вопреки его воле и намерениям и рисует нам подлинного Сталина. Вот письмо молодого Кобы из туруханской ссылки, написанное им весной 1914 года Григорию Зиновьеву – то-

гда соратнику Ленина:

«20 мая. Дорогой друг! Горячий привет вам, В. Фрею (один из псевдонимов Ленина. – С.К.). Сообщаю еще раз, что письмо получил. Получили ли мои письма? Еще раз прошу прислать книжки Штрассера, Панекука и К.К. Очень прошу прислать какой-либо (общественный) английский журнал (старый, новый, все равно – для чтения, а то здесь нет ничего английского и боюсь растерять без упражнения уже приобретенное по части английского языка). Присылку «Правды» почему-то прекратили, – нет ли у вас знакомых, через которых можно было бы добиться ее регулярного получения... Привет супруге Вашей и Н. (Крупской. – С.К.). Крепко жму руку... Я теперь здоров...»

А вот еще письмо того же периода, направленное в ноябре 1915 года в заграничный большевистский центр:

«Дорогой друг! Наконец-то получил ваше письмо. Думал было, что совсем забыли раба божьего, – нет, оказывается, помните еще. Как живу? Чем занимаюсь? Живу неважно. Почти ничем не занимаюсь. Да и чем тут заняться при полном отсутствии или почти полном отсутствии серьезных книг? Что касается национального вопроса, не только «научных трудов» по этому вопросу не имею (не считая Бауэра и пр.), но даже выходящих в Москве паршивых «Национальных проблем» не могу выписать из-за недостатка денег. Вопросов и тем много в голове, а материалу – ни зги.

Руки чешутся, а делать нечего. Спрашиваете о моих финансовых делах. Могу сказать, что ни в одной ссылке не приходилось жить так незavidно, как здесь. А почему вы об этом спрашиваете? Не завелись ли у вас случайно денежки и не думаете ли поделиться ими со мной? Что ж, валяйте! Клянусь собакой, это было бы как нельзя более кстати...

А как вам нравится выходка Бельтова (Г. Плеханова. – С.К.) о «лягушках» (Плеханов сравнил с ними большевиков. – С.К.)? Не правда ли: старая, выжившая из ума баба, болтающая вздор о вещах для нее совершенно непостижимых.

Видел я летом Градова (Л.Б. Каменева. – С.К.) с компанией. Все они немножечко похожи на мокрых куриц. Ну и «орлы»!..

Не пришлете ли чего-либо интересного на французском или на английском языке? Хотя бы по тому же национальному вопросу. Был бы очень благодарен.

На том кончаю. Желаю вам всего-всего хорошего.

Ваш Джугашвили».

16 июля 1911 года Сталин, арестованный 23 июня в Сольвычегодске и 27 июня освобожденный, приезжает на жительство в относительно близкую к Петербургу Вологду, поскольку ему было запрещено проживание на Кавказе, в столицах и фабрично-заводских центрах.

К «вологодскому» периоду относится его знакомство с 17-летней гимназисткой Пелагеей Онуфриевой, невестой друга

и соратника Кобы по революционной борьбе Петра Чижикова, родом из крестьян Орловской губернии. Ученица седьмого класса Тотемской гимназии, она 23 августа приехала к жениху в гости.

6 сентября Сталин негласно выехал в Петербург и прописался там по паспорту П.А. Чижикова, на следующий день встретился с большевиками С. Тодрия и С. Аллилуевым, а 9 сентября был арестован, помещен в Петербургский дом предварительного заключения, откуда 14 декабря был выслан опять в Вологду сроком на три года под гласный надзор полиции.

Я не останавливался бы так подробно на одной из многочисленных коллизий жизни Сталина-революционера, если бы не некоторые детали, характеризующие натуру Сталина, связанные с тем периодом.

Когда он уезжал в Петербург, Онуфриева подарила ему свой нательный крестик с цепочкой и попросила на память фотографию. Фотографии Кобы красавица-крестьянка (ее отец был состоятельным крестьянином из Сольвычегодского уезда) по понятным причинам не получила, зато Сталин подарил ей книгу «Очерки западноевропейской литературы» с надписью: «Умной, скверной Поле от чудака Иосифа».

Вернувшись из северной столицы в Вологду не по своей воле, Сталин сразу же появился у Чижикова и в тот же день отправил Онуфриевой в Тотьму открытку с изображением Афродиты, где писал:

«24 декабря. Ну-с, «скверная» Поля, я в Вологде и целуюсь с «дорогим», «хорошим» «Петенькой». Сидим за столом и пьем за здоровье «умной» Поли. Выпейте же и вы за здоровье известного Вам «чудака» Иосифа».

Но пробыл в Вологде Сталин недолго. В январе 1912 года на VI (Пражской) партийной конференции 33-летний Сталин заочно избирается членом ЦК партии большевиков, а в середине февраля к нему в Вологду по поручению Ленина приезжает член Русского бюро ЦК Орджоникидзе – для личной информации Сталина о решениях, принятых в Праге.

И 29 февраля 1912 года Сталин бежит из ссылки. Незадолго до этого он посылает Пелагее Онуфриевой в Тотьму открытку:

«Уваж-мая П.Г.! Ваше письмо передали мне сегодня, и я тотчас направил его по адресу, т. е. на станцию Лугтомга Северной ж. д. (там служит Петька). По старому адресу больше не пишите... Если понадобится мой адрес, можете получить у Петьки. За мной числится поцелуй, переданный мне через Петьку. Целую Вас ответно, да не просто целую, а горячо (просто целовать не стоит). Иосиф».

Говорят: «Стиль – это человек»... Мысль очень уж рафинированная и не очень-то верная. Человек – прежде всего поступок. Недаром в известной формуле «Посеешь поступок – пожнешь привычку, посеешь привычку...» и т. д. именно поступок является тем «зерном», из которого про-

израстает вся судьба человека. Однако стиль действительно многое способен сказать о характере человека и всей его натуре. И из стиля писем раннего Сталина, да и позднего – тоже, видна натура живая, немного ироничная по отношению как к другим, так и к себе, абсолютно лишенная позы и тревоги насчет того, какое впечатление остается о тебе у других... Возможно, «записные» литературоведы и взъедятся на меня, но я бы назвал стиль писем (именно писем!) Сталина схожим в чем-то со стилем пушкинских писем. Но – только писем! Их роднит естественность, самоирония без самоуничтожения и несомненное духовное здоровье.

Если вернуться к моменту побега Сталина из вологодской ссылки, то далее его жизнь разворачивалась весной 1912 года так...

В марте он был в Тифлисе и Баку, где провел ряд совещаний, а 1 апреля выезжает из Баку в Петербург, куда приезжает 10 апреля. Находясь на нелегальном положении, он редактирует большевистскую газету «Звезда» и пишет для нее много статей («Новая полоса», «Жизнь побеждает!», «Они хорошо работают...», «Тронулась!...»).

А 22 апреля 1912 года выходит первый номер ежедневной рабочей газеты «Правда», подготовленный Сталиным вместе с членами социал-демократической фракции III Государственной думы Полетаевым и Покровским и с большевиками-литераторами Ольминским и Батуриным.

В тот же день Сталина арестовывают и помещают в уже хо-

рошо знакомый ему дом предварительного заключения, откуда он 2 июля высылается в Нарымский край под гласный надзор полиции на три года.

Но вся рабочая Россия уже знает его статью «Наши цели», анонимно (без подписи) опубликованную как передовая №1 «Правды».

В этой короткой блестящей статье есть слова, характерные не для фальсифицированного, а для реального Сталина на протяжении всей его жизни. Сталин писал о том, что целью «Правды» будет «освещать путь русского рабочего движения светом международной социал-демократии» и «сеять правду среди рабочих о друзьях и врагах рабочего класса», и продолжал:

«Ставя такие цели, мы отнюдь не намерены замазывать разногласий, имеющихсЯ среди социал-демократических рабочих. Более того: мы думаем, что мощное и полное жизни движение немЫслимо без разногласий, – только на кладбище осуществимо «полное тождество взглядов»!...»

И здесь в полной мере проявлялся уже не эпистолярный, а публицистический и партийный литературный стиль Сталина – лишенный красот, но доходчивый и четкий. Причем стиль Сталина как политика сложился очень быстро! Первое серьезное печатное выступление Кобы – редакционная статья первого номера нелегальной газеты левого крыла грузинских марксистов «Брдзола» («Борьба»), увидевшего свет

в сентябре 1901 года. И уже эта статья была боевой и чисто большевистской – за год до появления самого понятия «большевик».

Да, как натура цельная Сталин сложился рано, а то, чем был он уже в ранней юности, хорошо показывает стихотворение 16-летнего семинариста из Тифлисской духовной семинарии Сосо Джугашвили:

Оно было опубликовано в грузинской газете «Иверия» в номере за 25 декабря 1895 года:

Ходил он от дома к дому,
Стучась у чужих дверей,
Со старым дубовым пандури,
С нехитрою песней своей.

А в песне его, а в песне,
Как солнечный блеск, чиста,
Звучала великая правда,
Возвышенная мечта.

Сердца, превращенные в камень,
Заставить биться сумел,
У многих будил он разум,
Дремавший в глубокой тьме.

Но вместо величья и славы
Люди его земли
Отверженному отраву

В чаше преподнесли.

Сказали ему: «Проклятый,
Пей, осуши до дна...
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!»...

Строки горькие, но пророческие... Клевета и ложь преследовали Сталина всю его жизнь, не говоря уже о лжи о нем после его смерти. Впрочем, удивительным было бы обратное, ведь у Сталина и у дела Сталина всегда хватало врагов.

Но хватало ведь и боевых друзей, и верных учеников. И обретал он их в борьбе. В парижской газете Керенского «Дни» в номерах за 22 и 24 января 1928 года эмигрант Семен Верещак, бывший эсер, опубликовал о Сталине два фельетона. О Сталине писал его политический враг? Но что писал:

«Я был еще совсем молодым, когда в 1908 году бакинское жандармское управление посадило меня в бакинскую Баиловскую тюрьму. Тюрьма, рассчитанная на 400 человек, содержала тогда более 1500 заключенных.

Однажды в камере... появился новичок. И когда я спросил, кто этот товарищ, мне таинственно сообщили: «Это Коба» (Сталину было тогда тридцать лет. – С.К.).

Живя в общих камерах, поневоле сживаешься с людьми и нравами. Тюремная обстановка накладывает свой отпечаток на людей, особенно на молодых, берущих примеры со старших. Бакинская же тюрьма

имела огромное влияние на новичков. Редкий молодой рабочий, выйдя из этой тюрьмы, не делался профессионалом-революционером. Это была пропагандистская и боевая революционная школа. Среди руководителей собраний и кружков выделялся и Коба как марксист. В синей косоворотке, с открытым воротом, всегда с книжкой.

В личных спорах Коба участия не принимал и всегда вызывал каждого на «организованную дискуссию». Эти «организованные дискуссии» носили перманентный характер.

Марксизм был его стихией, в нем он был непобедим. Не было такой силы, которая выбила бы его из раз занятого положения. На молодых партийцев такой человек производил сильное впечатление. Вообще же в Закавказье Коба слыл как второй Ленин. Отсюда его совершенно особая ненависть к меньшевикам. По его мнению, всякий, называющий себя марксистом, но толкующий Маркса не по-большевистски – прохвост.

Он всегда активно поддерживал зачинщиков. Это делало его в глазах тюремной публики хорошим товарищем. Когда в 1909 году, на первый день Пасхи, 1-я рота Сальянского полка пропускала сквозь строй, избивая, весь политический корпус, Коба шел, не сгибая головы под ударами прикладов, с книжкой в руках»...

Вот так...

Пожалуй, было бы полезно и поучительно взять одну из

антисталинских книг – ну, например, классическую по объему лжи и концептуальной подлости книгу Эдварда Радзинского «Сталин» и проанализировать ее, строка за строкой и страница за страницей.

Это было бы, повторяю, очень полезно, потому что после такого детального анализа вряд ли бы кто-то взял опусы, подобные книге Радзинского, в руки – даже с целью предельно утилитарной и специфической. Но построчный анализ всегда утомителен как для автора, так и для читателя, да к тому же занимает печатного места примерно в три раза больше, чем анализируемый текст – его ведь тоже надо довести до сведения читателя перед тем, как анализировать... Так что вряд ли это было бы интересное чтение.

Поэтому для того, чтобы показать – как порой всесторонне искажается облик Сталина, мне придется ограничиваться отдельными примерами...

Ну, скажем, в 1995 году в издательстве «Новая книга» вышел сборник «Сталин: в воспоминаниях современников и документах эпохи». Составитель и автор комментариев – Михаил Лобанов. В издательском предисловии было сказано, что книга может считаться первым вкладом в серьезное изучение эпохи, что она далека от восхвалений Сталина, но так же далека и от очернительства и т. п.

М. Лобанов действительно потрудился немало, и на фоне тогдашней «волгогоновской» антисталинской волны его труд был объективно неплох – если бы не... многие ком-

ментарии составителя. Да и позиция издательства оказалась странной – читателя сразу же уведомляли: о том, что книга-де «энциклопедическим» образом охватывает «образ поистине демонической (? – С.К.) фигуры, на счету которой сплетено без числа (странная для документального труда оценка. – С.К.) как злодеяний, так и спасительных дел для Российского государства».

Чепуха какая-то, но как часто и бездумно повторяемая чепуха! И дело даже не в пушкинском «Гений и злодейство – вещи несовместные»... Сегодня многие мифы о якобы «злодействах» Сталина уже сильно подточены документами, но и в 1995 году можно было понять, что это – не более чем злонамеренные мифы. Увы, составитель очень интересного – в своей документальной и мемуарной основе – сборника так этого и не понял. А нередко подбавил кое-чего, ни в какие ворота не лезущего, еще и от себя.

Например, М. Лобанов приводит отрывок из статьи Троцкого «Термидор и антисемитизм» и заявляет, что подобные обвинения Сталина – миф. Однако тут же сам в духе худшего антисталинского мифотворчества утверждает, что «в тех же тридцатых годах в литературе главный удар репрессий пришелся не по космополитическим интернациональным литераторам, а по русским писателям, связанным органически с традициями русской культуры...» Тогда, мол, «были уничтожены поэты «есенинского круга» (Клюев, Клычков, П. Васильев, Орешин и др.)».

Твардовский, Исаковский, Прокофьев, Тихонов, Толстой, Федин, Леонов, Соболев, Шолохов в миф Лобанова не вписываются, и о них он не говорит ни слова. Но разве сравним масштаб небесталанного, но неряшливого духовно и в поведении Васильева с талантом того же Твардовского?

Или вот в той же книге М. Лобанова приведены «воспоминания» В. Бережкова – бывшего переводчика Сталина. Фигура это малодостойная уже потому, что Бережков под старость предпочел сытные Штаты России, которую уже всю грабили духовные его собратья. Среди прочего Бережков на странице 477 «вспоминает», что когда он впервые увидел Сталина вблизи, то был якобы близок к шоку, в том числе и от вида лица Сталина, «изрытого оспой».

«Изрыть» – глагол сильный. Словарь Ожегова сообщает, что он означает «всюду наделать ям, рытвин». Всюду!

А теперь открываем страницу 558, где помещены воспоминания Андрея Громыко, причем – о тех же временах, о которых «вспоминает» Бережков, и читаем: «Мне случалось, и не раз, уже после смерти Сталина, слышать и читать, что, дескать, у него виднелись следы оспы. Этого я не помню, хотя много раз с близкого расстояния смотрел на него. Что же, коль эти следы имелись, то, вероятно, настолько незначительные, что я, глядевший на это лицо, ничего подобного не замечал».

Можно ли после этого верить таким вот «свидетельствам» Бережкова о Сталине: «Наигранной бодростью он приккры-

вал свое неверие в народ, презрительно обзывая аплодировавшую ему толпу (? – С.К.) «дураками» и «болванами». Но именно этот нелюбимый и пугавший его народ...», и т. д.?

Бережков не замечает, что это он относится к народу презрительно, именуюя его толпой. Но как часто тот же Бережков некритически воспринимается даже «историками» как серьезный источник... Еще бы: личный переводчик Сталина!

И ведь действительно – переводчик!

Конечно, о Сталине теми, кто был к нему в той или иной мере близок, написано и много хорошего. Собственно, случай Бережкова здесь фактически единичен, что характеризует не только Сталина, но и самого Бережкова. Но особенно впечатляют, как на мой вкус, свидетельства о Сталине бывшего командующего авиацией дальнего действия Главного маршала авиации Александра Евгеньевича Голованова. Сам высокочлассный летчик, он всегда был человеком чести, не юлил, не лебезил. Достоверность его мемуаров если и не абсолютна (этим качеством, увы, не всегда обладают даже документы), то очень высока.

До личного знакомства со Сталиным Голованов, тогда шеф-пилот Аэрофлота, воспринимал его великим человеком без души и сердца. К тому же у Голованова были еще свежи в памяти не самые приятные для него и ряда его ближайших родственников воспоминания о 1937 годе. Однако, начав сотрудничать со Сталиным с зимы 1941 года, он в кон-

це концов проникся к нему чем-то вроде любви сына к стро-
гому и мудрому отцу – иными словами я не могу опреде-
лить тот тон, которым Голованов всегда рассказывает о Ста-
лине. Он не раз подчеркивает сдержанность и воспитанность
Сталина, его высокую внутреннюю культуру и, как особо ха-
рактерную черту, выделяет поразительную требовательность
Сталина не только к другим, но и прежде всего к себе.

Однажды во время войны, когда оба были измотаны ка-
кой-то особо сложной и срочной проблемой, Голованов сго-
ряча сказал Сталину: мол, чего вы от меня хотите, я про-
стой летчик... И Сталин тут же отпарировал: «А я – простой
бакинский пропагандист». А потом прибавил: «Это вы так
только со мной можете говорить. С другими вы так не пого-
ворите»...

Лишь с годами Голованов понял, как Сталин был прав.

А как часто приходится читать о поощрении Стали-
ным собственного восхваления. Возможны и иные варианты
«воспоминаний»: мол, для проформы возмущался, а на деле
без фимиама жить-де не мог.

Но уже после смерти Сталина Анастас Микоян на июль-
ском 1953 года Пленуме ЦК – том, где политически казнили
Берию, говорил (цитирую по направленной стенограмме):

«...о культе личности. Мы понимали, что были
перегибы в этом вопросе и при жизни товарища
Сталина. Товарищ Сталин круто критиковал нас. То,

что создают культ вокруг меня, говорил товарищ Сталин, это создают эсеры. Мы не могли тогда поправить это дело, и оно так шло...»

Для верного представления об отношении Сталина к прославлению в его лучшие, боевые годы полезно познакомиться с историей о несостоявшемся посвящении Сталину некоей книги...

Старый партиец Б.Е. Бибинейшвили написал книгу «Камо» о знаменитом кавказском большевике-боевике Тер-Петросяне (Камо). 20 апреля 1933 года председатель правления и заведующий издательством Всесоюзного общества старых большевиков Илья Ионович Ионов-Бернштейн (1887—1942) обратился к секретарю Сталина Поскребышеву с просьбой. Бибинейшвили и сестра Камо просили показать Сталину посвящение, с тем чтобы получить его согласие на помещение в книге.

Текст посвящения был следующим:

«Тому

Кто первый вдохновил Камо на беззаветную героическую революционную борьбу,

Кто первый назвал его именем «Камо».

Кто стальной рукой выковал большевистские организации Грузии и Закавказья,

Кто вместе с гениальным вождем международного пролетариата Лениным руководил освободительной борьбой пролетариата и победой Великого Октября,

Кто после смерти Великого Ленина продолжает и

развивает дальше учение Маркса – Ленина, теорию и практику основоположников марксизма-ленинизма, стратегию и тактику революционной пролетарской борьбы,

Тому, под непосредственным руководством которого партия осуществляет великую задачу построения бесклассового социалистического общества на одной шестой части мира.

Великому вождю Ленинской Коммунистической партии и Коминтерна, Гениальному организатору и стратегу международной пролетарской революции

Тов. СТАЛИНУ

посвящает автор эту книгу.

Б. Бибинейшвили»

На следующий день Сталин направил Ионову записку:

«Тов. Ионов!

Я против «посвящения». Я вообще против «посвящений с воспеванием. Я тем более – против предложенного текста «посвящения», так как он насилует факты и полон ложноклассического пафоса воспевания. Не нужно доказывать, что никакой я не «теоретик» и тем более – «гениальный организатор» или «стратег международной революции». Прошу успокоить не на шутку разволновавшегося автора и сообщить ему, что я решительно против «посвящения».

Привет!

И. Сталин».

Тон этой записки, не лишенный иронии, абсолютно есте-

ственен и Сталину свойствен с самых его молодых лет как в частных и деловых письмах, так и статьях. Но я погрешил бы против собственного впечатления, если не сказал бы, что ближе к концу 30-х годов и особенно позднее эмоциональный настрой сталинских текстов претерпевает изменения. Уходят молодая задиристость и весёлая ирония. И их сменяет спокойная уверенность в значительности того, что пишет и говорит Сталин.

Но это не значит, что Сталин начинал почивать на лаврах. Просто конец 30-х годов – это время, когда авторитет Сталина окончательно окреп и стал ведущей силой в партийно-государственном руководстве. И дело не в подавлении «инакомыслия» в стране, а в том, что к концу 30-х годов все яснее и убедительнее стала выявляться правота Сталина и тех, кто шел за ним. Его правоту доказывали изменения во всех сферах общественной жизни. И это все лучше видели объективно настроенные люди не только в России, но и вне ее. В 1933 году, сидя в английской тюрьме, выстроенной на индийской территории, будущий глава свободной Индии 44-летний Джавахарлал Неру написал очерки мировой истории для своей дочери Индиры Ганди. Писал он там и о России, о Сталине:

«В прошлом случалось, что страны концентрировали все свои силы на решении какой-то важной задачи, но это бывало только в военное время. Советская Россия впервые в истории сконцентрировала

всю энергию народа на мирном созидании, а не на разрушении. Но лишения были велики, и часто казалось, что весь грандиозный план рухнет. Многие видные большевики полагали, что напряжение и лишения должны быть смягчены. Не так думал Сталин. Непреклонно и молчаливо продолжал он проводить намеченную линию. Он казался железным воплощением неотвратимого рока, движущегося вперед к предначертанной цели».

Да, тогда появилось выражение «железный сталинский нарком». И если уж толковые наркомы у Сталина имели железную волю, то у самого Сталина она была без преувеличений стальной.

Впрочем, в частной жизни Сталин оставался прежним, способным на шутку, на улыбку. До самого начала войны он забавлялся игрой в шуточные приказы, которая ему должна была писать дочь Светлана, которую отец называл в письмах «Сетанка-хозяйка» и «воробушка», подписываясь: «Секретаришка Сетанки-хозяйки бедняк И. Сталин»...

Но Сталин был так же естественно шутивен и с Кировым. Пожалуй, уникальными можно считать свидетельства Артема Федоровича Сергеева, сына знаменитого «Артема» (Сергеева), члена ВЦИК, погибшего 24 июля 1921 года во время испытания аэровагона на Московско-Курской железной дороге. После гибели мужа мать малыша, родившегося 5 марта 1921 года, серьезно заболела, и его взял в семью Сталин.

Между прочим, когда старший Сергеев погиб и Буденный

сетовал – мол, какая нелепая случайность, Сталин ответил: «Если случайность имеет политические последствия, то к такой случайности нужно присмотреться». Принцип, применимый и к «неожиданной» смерти самого Сталина.

38-летний «Артем» был яркой личностью: в партии с 1901 года, прямой соратник Ленина, в 1910 году бежал из ссылки вначале в Корею, затем переехал в Шанхай, а оттуда в Австралию, где вел активную революционную работу. В 1917 году он вернулся в Россию, и нет никаких сомнений в том, что если бы не погиб, то вошел бы в сталинскую когорту очень сильным ее членом.

Сын «Артема» Артем Сергеев прожил достойную жизнь, и его воспоминания можно считать фотографичными. В изданной издательством «Крымский мост-9Д» в 2006 году небольшой книге «Беседы о Сталине» он говорит:

«С самого начала, как я себя помню осознанно, я помню и его, и к нему самое высокое уважение. Казалось, что это самый умный, самый справедливый, самый интересный и даже самый добрый, хотя в каких-то вопросах строгий, но добрый и ласковый человек...»

Так или иначе не упомянуть эти воспоминания в книге о Сталине сегодня просто невозможно – если ты хочешь написать о Сталине не только правдиво, но и объемно. Но сейчас я вспомнил о Сергееве в связи с темой о чувстве юмора у Сталина и его якобы склонности к возвеличиванию. На вопрос, любил ли Сталин юмор, его приемный сын ответил так:

«Всегда. Что бы ни было, в любой ситуации. Он всегда говорил образно, много цитировал Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Лескова, Зощенко, еще какие-то забавные вещи. И он, и Киров хорошо знали писателей-сатириков, классиков этого жанра. Зощенко Сталин с Кировым часто цитировали, поскольку это был злободневный автор...высмеивавший пороки тогдашнего общества. Но никогда не цитировалась забавная история ради самой истории. Всегда это было к слову...

Между собой всегда у них с Кировым был юмор. Киров называл его «великий вождь всех народов, всех времен». Говорил: «Слушай. Ты не подскажешь, ты образованней меня, чей ты еще великий вождь? Кроме времен и народов, что еще на свете бывает?»

А Сталин его называл «Любимый вождь ленинградского пролетариата». И тоже подтрунивал: «Ага, кажется, не только ленинградского, а еще и бакинского пролетариата, наверное всего северо-кавказского. Подожди, напомни, чей ты еще любимый вождь? Ты что, думаешь, у меня семь пядей во лбу? У меня голова – не дом Совнаркома, чтобы знать всё, чьим ты был любимым вождем»...»

Так могут шутить абсолютно не чванные и абсолютно духовно здоровые люди. Какими, собственно, Сталин с Кировым и были.

Да и в самом-то деле! Мог ли ханжа и любящий – по нынешней модной присказке – «себя любимого» человек так

ответить 26 октября 1936 года на запрос Чарльза Наттера, заведующего бюро «Ассошиэйтед Пресс», по поводу сообщений западной печати о тяжелом заболевании и даже смерти Сталина:

«Милостивый государь!

Насколько мне известно из сообщений иностранной прессы, я давно уже оставил сей грешный мир и переселился на тот свет. Так как к сообщениям иностранной прессы нельзя не относиться с доверием, если Вы не хотите быть вычеркнутым из списка цивилизованных людей, то прошу верить этим сообщениям и не нарушать моего покоя в тишине потустороннего мира.

С уважением

И. Сталин».

Классический юмор этой записки превосходит по своей силе, пожалуй, лишь классический же ответ Марка Твена: «Слухи о моей смерти чрезвычайно преувеличены». При чем это был не первый подобный случай. Еще 3 апреля 1932 года «Правда» опубликовала такой ответ Сталина на письмо представителя «Ассошиэйтед Пресс» Ричардсона:

«Ложные слухи о моей болезни распространяются в буржуазной печати не впервые. Есть, очевидно, люди, заинтересованные в том, чтобы я заболел всерьез и надолго, если не хуже. Может быть, это и не совсем деликатно, но у меня нет, к сожалению, данных, могущих порадовать этих господ. Как это ни печально,

а против фактов ничего не поделаешь: я вполне здоров...»

Нет, Сталин был не только выдающейся личностью, он был еще и просто по-человечески привлекательной личностью, умеющей без натуги драпировать свое естественное величие в естественный же для нее юмор.

Сопоставляя судьбы приемного сына Сталина Артема Сергеева и родной сталинской дочери Светланы, можно уверенно сказать, что Светлана оказалась не лучшей дочерью, но не Сталин был в том виноват. Он Светлану любил, а она его – не очень-то, личностно походя скорее на мать, чем на отца, и зачастую его огорчая, особенно уже во взрослой своей жизни.

К слову, ее воспоминания нередко недостоверны не только психологически (в негативных оценках Берии, например), но и фактически. Так, она утверждает, что отец летом 1946 года уехал на юг впервые после 1937 года, но это была вторая такая дальняя поездка Сталина – первая пришлась на апрель 1944 года, о чем свидетельствует и генерал-майор Михаил Докучаев, бывший заместитель начальника 9-го Управления КГБ, ответственного за охрану правительства.

Во время обеих поездок Сталин очень нервничал, видя разруху, людей, живущих в землянках. А во вторую поездку на дороге от Симферополя до Ялты произошел описанный тем же М. Докучаевым случай, тоже характеризующий внут-

ренный мир Сталина и его натуру очень ярко. Докучаев пишет об этом так:

«Как раз на перевале в его (Сталина. – С.К.) машину с полного хода врезалась старая полуторка. Естественно, бронированный «паккард» выдержал столкновение, а полуторка вся развалилась. Каково же было удивление, когда из нее вылезла женщина-водитель лет сорока пяти. Вышел тогда из машины и Сталин. Женщина, не разобравшись в ситуации, с наивной прямоотой сказала: «Как же вы дальше поедете?» Сталин, увидев ее жалкий вид и разбитую машину, поняв, что инцидент произошел из-за дождливой погоды, ответил ей: «Мы-то поедем. А вот как вы поедете?»

Сталин сказал тогда министру госбезопасности Абакумову, следовавшему в кортеже, чтобы эту женщину не привлекали к ответственности...»

Здесь не место много говорить о репрессиях 30-х годов. Да, они были. Но позднее, на примере известного ныне «историка»-эмигранта Авторханова, мы увидим, было ли большинство репрессированных «невинными жертвами сталинизма»... Без действительно невинных жертв тогда, увы, не обошлось, но они объясняются не «кровожадностью» или «подозрительностью» Сталина, а прежде всего деятельностью скрытых антисоветских и троцкистских элементов в обществе и в системе НКВД, а порой – и неизбывной «расейской» дуростью и подлостью «на местах».

Главное же – враги у новой России имелись. И, не обращаясь сейчас к фактам и статистике, скажу о психологическом аспекте вопроса, о котором Сталин хорошо говорил 9 сентября 1940 года на совещании в ЦК ВКП(б), разбиравшем кинофильм «Закон жизни», снятый по сценарию молодого, но быстро зазнавшегося писателя А. Авдеенко. Знакомство с многостраничной стенограммой этого совещания, в котором вместе с членами Политбюро приняли участие Фадеев, Федин, Соболев, Асеев, Катаев, Лебедев-Кумач, Столпер, сам Авдеенко, способно развеять не один гнусный миф о Сталине и его эпохе. Но я ограничусь лишь фрагментом выступления Сталина:

«...Я бы предпочел, чтобы нам давали врагов не как извергов, а как людей, враждебных нашему обществу, но не лишенных некоторых человеческих черт. У самого последнего подлеца есть человеческие черты, он кого-то любит, кого-то уважает, ради кого-то хочет жертвовать... Я бы предложил, чтобы в таком виде врагов давать, врагов сильных. Какой же будет плюс, когда мы шумели, – была классовая борьба капитализма с социализмом, и вдруг замухрышку разбили... Разве не было сильных людей? Почему Бухарина не изобразить, каким бы он ни был чудовищем, – а у него есть какие-то человеческие черты. Троцкий – враг, но он был способный человек, – бесспорно, – изобразить его как врага, имеющего отрицательные черты, но и имеющего хорошие качества, потому что они у него

были, бесспорно...»

Здесь Сталин говорил о врагах политических... А ведь за двадцать лет после 1917 года – к 1937 году в новой России не ушли в прошлое и ее враги нравственные, которые были врагами не в силу некоей своей организованной борьбы против Советской власти, а в силу того, что были ее духовными антиподами. Вот что писал 18 января 1938 года в пространным письме в Комиссию партконтроля при ЦК ВКП(б) консультант Главного управления кинематографии некто Г.В. Зельдович:

«Партия в 1937 году провела огромную очистительную работу в стране. Слабее всего расчищена среда работников искусства... Морально-бытовые устои здесь наименее слабы... Огромно безделье... Глубокие, тонкие и сложные корни имеют подхалимство, семейственность и пр.. Политический маразм – среди работников искусства в большом ходу сексуальные и порнографические вещи... «Забавляются» всем этим весьма и весьма.

Любовь к «Западу» огромна. Мечтают о заграничных поездках... Среди киноработников много политических сплетен об орденонаграждениях и др.»

Надо сказать, что Зельдович в своем письме – откровенном и толковом – выкладывал правду не по внутреннему убеждению, а с перепугу. Вот его официальная характеристика тех дней: *«Зельдович Г.В., консультант-редактор по*

Мосфильму. Рождения 1906 года. Беспартийный, родился в гор. Тульчине. Образование среднее. Отец – сын богатых родителей. Один брат отца – в Польше, другой в Риге (тогда, как и сейчас, это была «заграница». – С.К.), а родственники матери в Америке. Подхалим. Пользовался особым доверием Шумяцкого (бывшего председателя Кинокомитета, о котором Зельдович написал в своем письме немало отрицательного и явно имевшего место быть. – С.К.). Проявлял внешнюю активность, по политическим вопросам не выявляет своего лица».

Зельдовича – несмотря на его отнюдь не дутые, но запоздавшие разоблачения, с Мосфильма уволили. Не знаю – возможно, он позднее тоже попал в «жертвы репрессий». Но был ли он виноватым без вины?

Что же до навязшего в зубах «военного заговора», то коротко замечу, что если бы во главе РККА в 1941 году командовал тот «цвет» армии, олицетворением которого были Тухачевский и Якир и который «уничтожил» «тиран» Сталин, то всё в 1941 году и закончилось бы. Но закончилось бы не знаменем Победы над Берлином, а парадом вермахта на Красной площади, который принимал бы с трибуны Мавзолея Гитлер. Причем я имею в виду даже не несомненно предательскую роль «тухачевских», а полководческую и военную бездарность их и «выпестованных» ими «кадров».

Нет, в своей основе то, что было предпринято Сталиным в 1937—1938 годах, было даже не репрессиями в точном

смысле этого слова, а *чистками* — тоже в точном смысле этого слова.

Не буду я здесь заниматься и развернутым анализом достоверности хрущевско-горбачевских цифровых данных о масштабах репрессий, скажу лишь, что они, судя по всему, завышены в несколько раз. Но приведу все же два свидетельства, прозвучавших в разное (но одинаково послесталинское) время с разных «этажей» социальной лестницы...

В насквозь «демократическом» сборнике документов «Георгий Жуков», изданном под научной редакцией В. Наумова Международным фондом «Демократия» в 2001 году, приведены воспоминания маршала Жукова, датированные 1963—1964 годами, и на стр. 622 читаем:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.